

Научная статья
УДК 395,3+394

ЧЕСТЬ И ИГРА: ФЕНОМЕН БРЕТЁРСТВА В РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Питкин Антон Александрович

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск,
Россия, izotkedrov@mail.ru

Аннотация. С позиции игрового подхода, предложенного Йохимом Хёйзинга, игра рассматривается как всеобщий принцип человеческой культуры, и утверждается, что игра является феноменом, формирующим культуру, и в меньшей степени формирующийся культурой, рассмотрено бретёрское поведение, как основного фактора влияющего на формирование культуры дворянства, для значительной части которого «игра» в своих многообразных формах становилась интереснее жизни. поединки чести представлены как игра с жёсткими социальными правилами, знание которых не давало преимуществ, а только обязывало по ним играть. Бретеры, это дворяне, играющие не задумываясь о правилах. Сами участники не распространялись об этом, и даже о самых известных поединках мы имеем в основном версии, которые противоречат друг другу. Честь воспринималась бретёрами как умонастроение, как философия самосознания, как задача по строительству и самосовершенствованию своей личности. Дворянство исключительное, правящее сословие, воспитанное европейскими гувернерами, было мало понятно остальному обществу. Переосмысление происходящего, с постепенным размыванием понятия чести, а также использование дуэлей в корыстных целях, вылилось на страницы литературы, создав золотой век русской классической культуры.

Ключевые слова: Толстой, Якубович, бретёр, дуэль, игра, честь

Для цитирования: **Питкин А. А.** Честь и игра. Отражение феномена бретёрства в русской классической литературе // Культурно-антропологические исследования. 2021. № 1. С. 93–98.

Original article

HONOR AND PLAY: REFLECTION OF THE PHENOMENON OF BRETTEUR IN RUSSIAN CLASSICAL LITERATURE

Anton A. Pitkin

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, izotkedrov@mail.ru

Abstract. From the position of gaming approach proposed by Joachim Huizinga. The game is considered as a universal principle of human culture and it is argued that the game is a phenomenon that forms culture and to a lesser extent is formed by culture the breton behavior is considered as the main factor influencing the formation of the culture of the nobility for a significant part of which the “game” in it’s various forms became more interesting than life. Duels of honor are presented as a game with strict social rules. The knowledge of which didn’t give advantages but only obliged them to play. Breters are nobleme playing without thinking about the rules. The participants didn’t spread about this and we have versions only about the most famous fights and these versions contradict each other. Honor was perceived by the breters as a mindset, a philosophy of self-awareness, a task for building and self-improvement of their personality. The nobility the ruling class that was brought up by European tutors wasn’t clear to the rest of society. The reinterpretation of what was happening with the gradual erosion of the concept of

honor as well as the use of duels for selfish purposes. Poured into the pages of literature creating the golden age of Russian classical culture.

Keywords: Tolstoy, Yakubovich, breter, duel, game, honor

For Citation: Pitkin A. A. Honor and play: Reflection of the phenomenon of breteur in russian classical literature. *Cultural and anthropological research*. 2021;(1):93-98.

«Герой будет героем, если умрёт» – это гомеровское послание, в вольном пересказе, переплелось с романтизмом конца XVIII начала XIX века и вместе с наполеоновскими войнами принесло моду на поединки чести в России.

В действительности мы мыло знаем о дуэлях и ещё меньше как о «поединках чести». Если перечислить реально описанные дуэли исследуемого времени, то количество их будет около двух десятков, если не учитывать приписываемые А. С. Пушкину более двадцати дуэлей, Ф. И. Толстому около семидесяти дуэлей и другие, о которых максимум только слухи или вообще нет информации, а если исследовать причинно-следственные связи, то «дворянская честь» в них если и задевалась, то опосредованно. Сами участники не распространялись об этом, и даже о самых известных поединках мы имеем в основном версии, которые противоречат друг другу. Ещё раз отметим немаловажный факт: ни в одной известной дуэли русского дворянства, дуэльный ритуал до конца не был соблюден.

Для большинства бретёров, А. И. Якубовича, Ф. И. Толстого, М. С. Лунина это была игра, когда честь уходит на второй план, а страсть на первый, когда поступки невозможно оценить никакими рациональными мотивами и связями, ибо как говорит Йохан Хейзинга «игра не разумна, иррациональна», хотя для самого Хейзинга предмет интереса игры как некой формы деятельности, формы наделённой смыслом, как социальная функция, и тут нет противоречий: «Реальность, именуемая Игрой, осязаемая каждым, простирается нераздельно и на животный мир, и на мир человеческий. Следовательно, она не может быть обоснована никакими рациональными связями, ибо укорененность в рассудке означала бы, что пределы её – мир человеческий. <...> Игру нельзя отрицать» [7, с. 23].

Заметный в русской культуре начала XIX века бретёр Александр Иванович Якубович (1792–1845). Его формирование представлений о дворянской чести происходило в наполеоновский и кавказских войнах, шедших не переставая. Для него игра в честь стояла вне процесса непосредственного удовлетворения нужд, это была страсть. Если Толстой всё-таки иногда шёл на оправданный риск или как он сам выражался «Правил фортуна» при карточной игре, то для Якубовича некая страсть переходящая в иррациональное поведение. Все ценное в культуре появляется только в игре, но никогда не в работе, созданная культура чести, дворянского романтизма, поведения, общения, в последствии ставшая классической русской культурой. Не может же быть простым совпадением, что до 1830 годов был золотой век русской поэзии, перешедший в золотой век русской литературы, а после и музыки.

Проанализируем широко известную четверную дуэль между Завадовским – Шереметевым и Якубовичем – Грибоедовым. Особенность данной дуэли заключается в том, что это уже была дуэль, не имевшая в вопросах чести никакого отношения, и то что после поединка противников стрелялись их секунданты. В данной истории противниками стали Завадовский – Шереметев, а секундантами Якубович – Грибоедов.

Это была «романтическая дуэль», причиной которой явилась женщина – балерина Авдотья Истомина. Одно только происхождение, дочь полицейского пристава, уже не давала никаких поводов для оскорбления чести, её деклассированное положение балерины Большого театра выводила из любого возможного культурного, социального поля дворянской чести.

Штабс-ротмистр В. В. Шереметьев, 23 лет отроду, имел на содержании в течение двух лет Авдотью Истомину, 18 лет отроду, вероятно испытывал к ней глубоки чувства, но в один из дней, а именно 3 ноября 1817 года, по одной версии по причине ссоры, по другой версии по причине обмеления кармана Василь Васильевича, Истомина съехала на отдельную квартиру. А уже через два дня оказалась на квартире Завадовского, куда её «на чай» привёз А. С. Грибоедов. Со слов свидетеля дуэли доктора Ионы, у Грибоедова и в мыслях не было ухаживать за молодой танцовщицей, он относился к ней исключительно по-приятельски. Естественно для любой эпохи, это вызвало ревность у Шереметева, хотя изначально они уже были в ссоре. И на его беду он рассказал об этом А. И. Якубовичу, о котором современник выразился: «храброе и буйное животное». Хотя на то время мы мало знаем о Якубовиче, только то где служил и о его участии в зарубежных походах 1813–1814 годов, вся его история подвигов и поступков начинается с 1818 года. Якубович предлагает «четвертную дуэль», когда в поединке участвуют секунданты, для того что бы наказать и Грибоедова. Мотив нелеп, до того, что Шереметьеву пришлось выводить графа Завадовского на конфликт, формально не касающегося Истоминой, ибо для всех она «танцовка» и находится вне дворянской морали – но это важнейшее правило игры в честь: «Ими определяется, что именно должно иметь силу в выделенном игровом временном мире. Правила игры бесспорны и обязательны, они не подлежат никакому сомнению...<...> Стоит лишь отойти от правил, и мир игры тотчас же рушится» [7, с. 30]. «Якубович и Грибоедов также обещали драться. Условия самые жестокие: стреляться с шести шагов» [1, с. 344]. Во всей истории ни у кого не возникло даже помысла уклониться от дуэли, не считая соблюдения правил чести, когда все формальности были улажены, места рефлексии не осталось.

«Дуэль Завадовского и Шереметева закончилась смертью последнего. Образ умирающего Шереметева всю жизнь преследовал Грибоедова. Его дуэль с Якубовичем была отложена: они стрелялись уже на Кавказе, куда Якубович был вскоре после дуэли сослан. Грибоедов промахнулся, Якубович прострелил Грибоедову левую руку» [7, с. 30].

Объяснить мотивы Якубовича кроме как игрой в честь не представляется возможным. До 1818 года мы мало знаем о боевом и бретёрском пути Александра Ивановича. Но по роли в дуэли предполагается, что он уже имел опыт и знал игры. Он уже был «страстным игроком», который уже не обращает внимание на правила, о которых мог и забыть, его цель – поединок, цель – поставить жизнь на кон, идти ва-банк. Другие участники – заложники мнения высшего общества, они соблюдают правила чести, но и как человек знающий правила шахмат ещё не может называться шахматистом, так и они не игроки, а только люди долга и своего самолюбия. После Грибоедов воспринимал его как опасного интригана и бессмысленного бретёра, искателя чужих жизней. Но Якубович всячески создал о себе романтическую легенду и поддерживал её. Пушкин в молодости восхищался им и, судя по личным записям, задумал героический

роман, но в итоге роман так и остался ненаписанным. Якубович всегда «играл» до самозабвения, серьёзно и с отчаянной отвагой.

Противоречивость Якубовича более всего проявится в момент восстания декабристов 14 декабря на Сенатской площади. Он был одним из вождей, пришёл на площадь вместе с Семеновским полком, потом исчез, сославшись на головную боль, но вскоре появился – возле Николая Павловича! Молодому императору он гордо заявил, что «был с ними, но узнав, что они за Константина, бросил и явился к вам», – за что и заслужил высочайшую похвалу. Тогда Якубович сам вызвался пойти к восставшим и от имени государя уговорить сложить оружие, но, очутившись среди «своих», стал подбадривать их призывами держаться крепко и не отступать. Декабристы по большей части действовали спонтанно, Якубович же пытался вести свою игру, стоя на Сенатской площади, он сливался с общей массой восставших, что не в его правилах игры, импровизирует, но не удачно. В своих метаниях между Николаем I и восставшими, он не видит никакого «греха», или угрозы своей чести, даже не кривит душой, но в итоге вечером, сразу после восстания на квартире Рылеева состоялось последнее собрание, где декабристы во главе с Рылеевым признали «изменниками» Трубецкого и Якубовича.

Почему же Александр Якубович бретёр, а например Кондратий Рылеев и Александр Грибоедов нет? В игре в честь нет греха, она не причастна морали и стоит вне процесса непосредственного удовлетворения нужд, игра не долг, как её ошибочно могли представлять сами же бретёры, и тем более не ритуал.

Мы не многих можем назвать бретёрами, истинными игроками в честь, просто бретёрское поведение не даёт этого права. Удивительно, ни у кого из известных бретёров не было нормальной семьи, ещё их объединяет, кроме отчаянной игры в честь, маргинализованное поведение. Но романтический герой, бретёр, первой трети XIX века, не может быть не маргиналом, не может быть не в состоянии повседневной войны, он может только в состоянии перемирия, замечу не «примирения», а именно «перемирия», время когда живут по правилам войны, и примирение давали только поединки чести, нормальная жизнь была для таких как А. И. Якубович не возможна. Можно предположить, что наполеоновские войны, бесконечные войны с Османской империей, кавказские войны наложили свою печать на все дворянское сословие, большей частью тогда бывшее военным. И это притом, что бретёры не чурались общества, а были душой любой компании, отличными друзьями и рассказчиками, но существовал некий барьер со стороны от высших аристократических кругов, к которым они могли ранее принадлежать, как Ф. И. Толстой. Удивительно, но карточный долг, как долг чести, в «Английском клубе», при невозможности выплаты, мог заставить Ф. И. Толстого застрелиться, хотя зная его биографию, никакое другое эпатажное поведение и порочная жизнь не приводили к мысли о самоубийстве и не ставили под вопрос его дворянскую честь в аристократических кругах, ибо все воспринималось как игра и все вопросы решались способом «очищения на дуэли», «игра сама по себе, хотя она и относится к деятельности духа, не причастна к морали, в ней нет ни добродетели, ни греха» [7, с. 24]. Граф Ф. И. Толстой со временем он перешёл в русскую классическую культуру в образе «романтического героя» с примесью некоего демонизма, его использовали

многие писатели, Грибоедов, в своей комедии «Горе от ума» даёт характерное имя Удушьев Ипполит Маркелыч [2].

А. С. Пушкин в шестой главе «Евгения Онегина» Толстой появляется под именем Зарецкого, в рассказе «Выстрел», Сильвио это несколько смягченный Ф. И. Толстой. Л. Н. Толстой двух героев списал с графа, это Турбин в «Двух гусарах» [6]. И конечно Долохов, хотя у него было несколько прототипов, в «Войне и мире», один из которых Дорохов Руфим Иванович, отчаянный рубака и бретёр, погибший на Кавказе. И. С. Тургенев писал своих героев в рассказах «Три портрета» и «Бретёр» опираясь на все тот же образ романтико-демонического героя Ф. И. Толстого.

Литераторы Ф. В. Булгарин, П. А. Вяземский, В. А. Жуковский имели с графом личное знакомство, а также многие декабристы, то опасные игры чести принесли Ф. И. Толстому настоящую славу и заметное место в мировой культуре. Любопытный знакомый с биографией графа при прочтении поэмы Н. В. Гоголя «Мёртвые души» в образе Ноздрева в его «бестолковой и отвратительной живости» увидит Толстого – Американца, а в XIX слово «американец» ассоциировалось со словами дикий, необузданный.

Благодаря своей самозабвенной, отчаянной игре мы всех их видим в романтических героях русской классической литературы. Их бесстрашие и подвиги мы видим в произведениях А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Бестужева (Марлинского), который и сам был не чужды бретёрского поведения и окончили свои жизни на дуэлях и в бою, а также у М. Н. Загоскина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, в рассказах и романах, любой значимый писатель не мог обойти сторон бретёров, даже у Н. В. Гоголя повесть «Тарас Бульба» пронизана «лыцарской» честью и бретёрским пренебрежением жизнью. Если бы они жили несколько тысяч лет назад, то стали мифологическими героями, сродни античным Ахиллесу и Геркулесу, т. е. были бы героями подражать которым не надо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Гордин Я. А.** Право на поединок. – Л.: Сов. писатель, 1989. – 480 с.
2. **Грибоедов А. С.** Горе от ума. [Электронный ресурс]. URL: <https://ilibrary.ru/text/5/p.1/index.html> (дата обращения: 10.09.2020).
3. Декабристы в воспоминаниях современников. Под ред. В. А. Федорова. – М.: Изд-во Московского университета, 1988. – 509 с.
4. Русские дуэлянты: Документы, свидетельства очевидцев, исповеди, судьбы / сост. С. А. Ловатов. – Челябинск: Аркаим, 2003.
5. **Толстой Л. Н.** Два гусара. [Электронный ресурс]. – URL: <http://geum.ru/opus/tl-index-4797.php> (дата обращения: 10.09.2020).
6. **Толстой С. Л.** Федор Толстой Американец. [Электронный ресурс]. – URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/ECCE/CRAZY.HTM> (дата обращения: 20.09.2020).
7. **Хэйзинга И.** Homo ludens; Статьи по истории культуры. / пер., сост. И вступ. ст. Д. В. Сильверстова; Комментар. Д.Э. Харитоновича. – М., 1997. – 416 с.

Научный руководитель – Е. Е. Тихомирова,
канд. культурологии, доц.,

Новосибирский государственный педагогический университет

Scientific supervisor – E. E. Tikhomirova,
PhD in Cultural Studies, Docent,
Novosibirsk State Pedagogical University

Информация об авторах

А. А. Питкин – аспирант, кафедра теории, истории культуры и музеологии,
Новосибирский государственный педагогический университет

Information about the Authors

A. A. Pitkin – graduate student, Novosibirsk State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию 15.03.2021; одобрена после рецензирования
15.04.2021; принята к публикации 20.05.2021

The article was submitted 15.03.2021; approved after reviewing 15.04.2021;
accepted for publication 20.05.2021